

лов сакральной сферы¹². В «Перебранке Локи», однако, эта нравственная исключительность богов выступает уже в существенно ослабленном виде: перечень извращений и аморальных деяний асов воспринимается ими же со смущением и даже негодованием. Таким образом, боги ведут себя аморально, но обычно не кичатся этими поступками (впрочем, в устах Локи и Одина встречается подобная похвальба!). Изначальная целостная неморальность языческих богов в период фиксации этой песни была уже непонятна.

Пишут, что боги в этой песни — «те же люди». Но мне представляется сомнительной стопроцентная правильность идеи, что люди склонны создавать себе богов всегда только «по собственному образу и подобию». Не правильнее ли предположить, что человек скорее расположен поклоняться непохожему на себя? Внешнее сходство между богами и людьми (физическое или в поведении) не должно закрывать от нас принципиального различия между ними, ибо внутренняя логика тех и других — как бы в разных плоскостях. Не вернее ли сказать, что боги в «Перебранке Локи», как и везде в «Старшей Эдде», — именно не люди и человеческим законам и нравственным нормам не подчинены? Это не умаляет их силы и власти, не подрывает их авторитета, ибо они зиждятся не на человеческих установлениях.

Игра непристойностями и упоминаниями о весьма сомнительных ситуациях и поступках¹³, несомненно, развлекала и веселила древнюю аудиторию, в которой исполнялась эта песнь. Но комизм здесь представляет собой интегральную часть сакральной ситуации, и его надлежит понимать в качестве производного от нее.

Пародия на богов, на священное, на религиозный ритуал встречается у самых разных народов, притом на весьма архаической стадии, либо тогда, когда трудно заподозрить «кризис» религии и начало неверия в богов, которые подвергаются осмеянию. Комическое перевертывание и передразнивание возвышенного и священного мы находим в Вавилоне, Персии, Иудее (вспомним празднества шутовских царей, которых набирали из преступников, переодеваемых в царские одежды; им давали регалии власти, царский гарем, а затем по окончании торжества, их раздевали, бичевали и вешали или изгоняли). Пародии на богов, героику, власть являлись немаловажным компонентом общественной жизни в античности¹⁴. То же самое мы находим и в средневековье. Хорошо известны обряды, пародировавшие церковную службу, во время которых пьяная девка играла роль Богоматери, шут выступал в епископском облачении, а осел был

¹² Здесь позволительно провести параллель. В Древнем Египте кровосмесительство, строжайше запрещенное для всех, было обязательной нормой для богов-фараонов, женившихся на своих сестрах. Каков смысл этого обычая? Видимо, он заключался в том, чтобы подтвердить запрет incesta. Логика поведения богов и людей мыслилась не подобной, а контрастной. Воздерживаясь от других параллелей, какие дают и древняя история, и этнография, посмотрим, как обстояло дело у германцев. Сексуальное перевертывание, имеющее прямое отношение к сфере сакрального, зафиксировано у германцев еще в древности. Тацит («Германия», гл. 43) сообщает о жрецах племени лугиев, одетых в женское платье. Между тем, в быту не только переодевание, но даже ношение мужчиной одежды, незначительными, казалось бы, деталями, напоминавшей женскую, было достаточным основанием для того, чтобы жена могла развестись с мужем. Самым тяжким оскорблением считалось обвинение в половом извращении. В основе «хулительных» песен или стихов лежали именно такие обвинения. Как видим, и у германских народов запрет кровосмесительства и извращения находил свое подтверждение в негативной форме в недейственности в среде богов, вообще в сакральной сфере.

¹³ В русском переводе выражения подлинника кое-где смягчены. Показательно, что «Войну мышей и лягушек», пародирующую героический эпос «Илиады», древние приписывали самому Гомеру: видимо, не казалось чем-то противоземным то, чтобы один и тот же автор сочинил и возвышенное и пародийное изображение той же самой темы!